

САНЖЕНАКОВ АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ

Научный сотрудник Института философии и права СО РАН. Новосибирск. Россия.

Кандидат философских наук.

E-mail: sanzhenakov@gmail.com

УДК 101.9

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: БИОГРАФИЯ VS. АВТОБИОГРАФИЯ

Аннотация. Статья посвящена методологии истории философии и раскрывает проблему использования в историко-философских исследованиях биографического и автобиографического материалов. В качестве примера биографии и автобиографии берутся, соответственно, «Жизнь Аристотеля» (*Vita Aristotelis Marciana*) неизвестного автора и «Утешение Философией» Боэция. Проведя анализ этих произведений, автор приходит к выводу, что для истории философии оба этих жанра могут быть полезны, но, безусловно, второй из указанных способов представления личности исследуемого философа несравненно более информативен и скорее отвечает тем задачам, которые ставит перед собой историк философии. Явным недостатком биографического жанра является то, что его содержание представляет лишь внешнюю канву жизни философа, в то время как автобиография позволяет проникнуть в глубь личности и мыслей исследуемого философа. Вместе с тем автобиография тоже имеет определенные ограничения применения в историко-философском исследовании. Прежде всего, это отсутствие объективации, поскольку этот жанр подобного не предполагает. Также для историка философии немаловажно рассматривать идеи в их темпоральном развитии, т.е. учитывать то, как идеи определенного философа повлияли на последующую традицию, что тоже невозможно отследить через автобиографию.

Ключевые слова: история философии, методология, биография, автобиография, Аристотель, «*Vita Aristotelis Marciana*», Боэций, «Утешение Философией».

© Санженаков А. А. 2019

Alexander A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS. Novosibirsk. Russia
E-mail: sanzhenakov@gmail.com

ANTHROPOLOGICAL ASPECT OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY: BIOGRAPHY VS. AUTOBIOGRAPHY

Abstract. The article is devoted to the methodology of the history of philosophy and the problem of using biographical and autobiographical materials in the history of philosophy. As an example of a biography and an autobiography are taken «The Life of Aristotle» (Vita Aristotelis Marciana) by an unknown author and «Consolation of Philosophy» by Boethius. After analyzing these works, the author concludes that both of these genres can be useful for the history of philosophy, but the second of the presented ways of representing the personality of the philosopher is incomparably more informative and most likely meets the aims that the historian of philosophy poses. The disadvantage of the biographical genre is that its content represents only the external outline of the life of the philosopher, while autobiography allows you to penetrate deep into the personality and thoughts of the studied philosopher. However, autobiography also has certain limitations in the application in the history of philosophy. First, autobiography lacks objectification, since this genre does not imply it. It is also important for the historian of philosophy to consider ideas in their temporal development, taking into account how the ideas of studied philosopher influenced the subsequent tradition, which is also impossible to trace through an autobiography

Key words: history of philosophy, methodology, biography, autobiography, Aristotle, Vita Aristotelis Marciana, Boethius, Consolation of Philosophy.

DOI: 10.32691/2410-0935-2019-14-88-96

История философии как раздел философии направлена на реконструкцию и актуализацию философских идей прошлого. Главной задачей истории философии является установление истоков, развития и связи философских концепций, течений, школ и направлений, а также выявление их социокультурной обусловленности. В своей работе историки философии руководствуются прежде всего сочинениями, в которых изложены идеи философа прошлого. Однако наряду с этим дополнительным материалом выступает жизнь философа, представленная либо им самим, либо кем-то другим.

В настоящей статье нам хотелось бы рассмотреть антропологический аспект истории философии. Под таковым мы понимаем как специальное обращение к личности, индивидуальным особенностям и биографии философа прошлого, так и использование некоторых фактов, связанных с личностью изучаемого философа в качестве дополнительного материала, способствующего пониманию изучаемых идей или для создания более полной картины его учения. Таким образом, мы имеем две составляющие – биографию философа и реконструкцию с привлечением биографических данных. Далее мы покажем, что специальный интерес к биографии философа в большинстве случаев не способствует пониманию его идей, в то время как опциональное обращение к особенностям личности изучаемого философа может быть полезным для историка философии. Автобиография в свою очередь даёт больше материала для историко-философской работы, но сопряжена с некоторыми ограничениями. В частности,

следует учитывать, что автобиография преследует специфические цели, например, апологетического толка.

Считается, что интерес к биографическим данным философа, так или иначе, является необходимой составляющей работы историка философии. Как минимум, в начале своей работы следует обозначить эпоху, в который жил автор, в какой среде он родился, установить периоды его жизни. Но всё же считается, что эта информация является лишь пропедевтической и не носит определяющего характера. Нас прежде всего интересуют идеи и теории философа, а его личность лишь постольку, поскольку это может способствовать пониманию его концепции. В этой связи следует, пожалуй, обратить внимание и на такой жанр как философская автобиография. Насколько он полезен для историка философии? *Prima facie* кажется, что именно в этом жанре философ раскрывается в полной мере. Находясь в диалоге с самим собой, философ, казалось бы, должен быть наиболее честен. Но не следует забывать, что некоторые стороны нашей личности скрыты от нас же самих, объективация этих сторон – непростая задача. В качестве аналогии можно привести в пример работу психоаналитика, которому его пациент рассказывает далеко не всё, скрывая от врача и прежде всего от себя самого свои травмы. Поэтому основная задача терапевта заключается в том, чтобы разговорить пациента, методом ассоциаций вытянуть из него истинную причину его неврозов. В естественных науках, как известно, применяется метод эксперимента, призванный раскрыть тайны природы. Подобно природе как предмету изучения естественных наук и пациенту на приеме у психоаналитика философ может замалчивать истинные причины и истоки становления и развития собственных идей и не всегда прислушиваться к его автобиографическому монологу. Метод интроспекции, в идеале реализуемый в любой автобиографии, безусловно обладает огромным эвристическим потенциалом, но всё же имеет свои ограничения. Он позволяет нам узнать, почему, *по мнению* того или иного философа, его идеи возникли, в то время как нам необходимо установить это *наверняка*. Наконец, данная интроспекция осуществляется в определённой точке и в ней отсутствует динамика и временной разбег, что очень существенно для историка философии: «оценка [творчества отдельного философа] в значительной степени определяется результатами оценки тех более крупных фрагментов историко-философского процесса, частью которых является творчество данного конкретного философа» [Горан 2007: 241].

Тем не менее, можно поставить вопрос о том, насколько мы можем понять мысли философа, ориентируясь исключительно на его идеи, и насколько глубоко мы должны знать его личность. Ответить сходу на эти вопросы не представляется возможным, поэтому требуется специальное исследование, которое наиболее удобно провести на отдельном примере из античной биографии и автобиографии.

Но прежде чем переходить к примерам, отметим, что интерес к личности не мог зародиться в классический период в силу подавляющего значения политса и гражданственности, которые поглощали индивида. «Интерес к жизни индивида, как принадлежащей этому индивиду и от его личных и частных свойств обретающей связность и цельность своего сюжета, – вот импульс, без которого биография немыслима. На общем фоне традиционного гражданственного мировоззрения интерес этот не имел шансов громко заявить о себе.

Он набрал достаточную силу лишь в поворотном 4 в. до н. э., среди общего развала традиции, когда философия выдвинула альтернативные мыслительные парадигмы, все попутные ветры истории дули в паруса монархических режимов и на смену эллинской классике подходила совсем иная, непохожая эпоха, которую мы привыкли называть «эллинистической» [Аверинцев 1994: 638]. Прообразом биографии была похвальная речь Исократа в честь Эвагора, царя Саламина на Кипре. В ней закрепилась композиционная матрица, характерная для биографии (предки, события жизни, черты характера). Классическим примером античной биографии, безусловно, считаются «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, но поскольку в качестве персонажей там фигурируют законодатели, полководцы и правители, а не философы, мы оставим это сочинение в стороне.

Обратимся к биографии Аристотеля *Vita Aristotelis Marciana*, перевод которой вышел в 2016 году в сопровождении статьи «Античные биографии Аристотеля» [Егорочкин 2016а, 2016б]. Как сообщает переводчик, эта биография, связанная со школой Александрийских неоплатоников V–VI вв., дошла до нас в одной единственной рукописи.

Традиционно биография начинается с происхождения и родословной: автор сообщает нам, что Аристотель был сыном Никомаха и Фестиды, ведущих свой род от Махаона, сына Асклепия. Отец его был врачом. «От отца, стало быть, и даже от самого начала рода у Аристотеля была предрасположенность к естествознанию и врачебному искусству» – заключает автор биографии. Мы видим пример перехода от сугубо биографических данных к теоретической составляющей. Дело в том, что при реконструкции учения Аристотеля интерпретатор всякий раз сталкивается с проблемой выбора оснований и начал его системы. Будучи энциклопедистом, Аристотель показал себя как специалист в совершенно разных областях знаний – биология, логика, метафизика, физика, политика, этика и т.д. Установить, какая область была главенствующей и задавала фундамент другим областям – довольно нетривиальная задача. В одних случаях мы, к примеру, обнаруживаем либо прямые ссылки к метафизике, либо использование специфических понятий из этой области в несвойственном контексте чужеродной дисциплины¹. В других случаях мы, напротив, сталкиваемся с заявлениями, что внутридисциплинарная логика определяет полностью дискурс рассуждения и не допускает введения инструментария или же методологии из других дисциплин². В связи с этим данные биографии дают нам дополнительный аргумент при выборе главной линии философского движения Стагирита. Можно ли считать этот аргумент вполне надёжным? Скорее

¹ Ранее нами была исследована проблема включения эпистемических и метафизических понятий в этическое учение Аристотеля [Санженаков 2016; 2018]. Об одном из примеров неоднозначности определения оснований философской системы Аристотеля см. в коллективной монографии «Пересечение норм и природы» [Sim 1995].

² Например, Аристотель уклоняется обсуждать вопросы метафизического свойства в этике, в число которых он относит вопрос о соотношении блага и единого [Аристотель 1983: 60]. Причина этого в том, что предмет обсуждения в разных науках не одного и того же свойства, и поэтому «человеку образованному свойственно добиваться точности для каждого рода [предметов] в той степени, в какой это допускает природа предмета. Однаково [нелепым] кажется как довольствоваться правдоподобными рассуждениями математика, так и требовать от ритора строгих доказательств» [Аристотель 1983: 56].

всего, нет. Дело в том, что биография, в отличие от автобиографии, всё же является внешней канвой, описанием извне, взглядом со стороны. Более того, как сообщает автор перевода *Vita Aristotelis Marciana*, в данном случае нельзя говорить о надёжности, поскольку занятие медициной было характерной чертой этого времени [Егорочкин 2016б: 37–38].

В дальнейшем мы узнаём от биографа, что Аристотель, будучи юношей, «получил образование, подобающее людям свободным». Эта информация тоже мало что дает историку философии, поскольку, как это очевидно, общее образование не предопределяет тех или иных философских убеждений мыслителя. Хотя далее биограф перечисляет несколько работ, из содержания которых он, собственно, и заключает об образовании Аристотеля (*Гомеровские изыскания*, список *Илиады*, диалог «*О поэтах*», сочинение «*О поэтическом искусстве*», *Риторические приемы* и другие). Этот список может быть полезен с историко-философской точки зрения.

После непродолжительного рассказа об обучении Аристотеля, автор его биографии переходит к проблеме мнимого, как он полагает, противоборства Аристотеля с Платоном. Во-первых, он доказывает, что Аристотель основал Ликей не в противовес Платону, поскольку обучался у Платона до самой его смерти (целых 20 лет) и, следовательно, был ему предан. Во-вторых, Аристотель восхищался Платоном, о чём свидетельствует надпись, которую сочинил благодарный ученик: «Жертвенник этот воздвиг Аристотель во славу Платона» [Егорочкин 2016: 34]. Наконец, согласие между двумя великими философами видится биографу и в том, что возражения Аристотеля якобы направлены не против самого Платона, а против неверной интерпретации его слов. Здесь от чисто биографического факта (присутствия Аристотеля в Академии до самой смерти Платона) биограф переходит уже к историко-философским заключениям, что, впрочем, снова не выглядит слишком убедительно. На самом деле он руководствуется общей неоплатонической установкой, направленной на сглаживание противоречий между философскими взглядами Платона и Аристотеля.

Далее биограф обращается к психологическому портрету своего персонажа. Причем, как и в случае с образованием, он привлекает в качестве свидетельства сочинения Аристотеля, что является неизбежным ввиду отсутствия личного знакомства. «Аристотель, несомненно, был человеком умеренного нрава (ἢθος μέτριος), коль скоро в *Категориях* он говорит, что следует высказываться не спешно, но по многократному рассмотрению, и что только сомневаться – также бесполезно» [Егорочкин 2016б: 35]. В этом месте наш биограф ничем не отличается от историка философии, который, работая преимущественно с текстами, написанными много лет назад, делает выводы не только о философском содержании, но и о характере автора исключительно на основании его текстов.

Следующий раздел биографии посвящён тем открытиям, которые Аристотель сделал в философии. По сути, перед нами уже сугубо историко-философская реконструкция, которая опирается не столько на биографические данные, сколько на уже утвердившуюся традицию толкования текстов и интеллектуального наследия Аристотеля в целом. То же самое можно сказать и о своеобразии (ἴδιον) философии Аристотеля, которую его биограф усмат-

ривает в том, что она не отходит от очевидного, что явствует из обращения не только к доказательствам, но и к мнению большинства.

Этим заканчивается рассматриваемая нами *Vita Aristotelis Marciana*. В самом первом приближении данный пример свидетельствует о том, что биографические характеристики предоставляют в распоряжение историка философии множество важных фактов, но не позволяют выстроить надежную реконструкцию идей исследуемого философа. Биографические факты могут истолковываться в самом разнообразном ключе и требуют от интерпретатора дополнительных аргументов, которые черпаются уже из текстов. Дополнительное ограничение накладывает то обстоятельство, что биограф всё же является сторонним наблюдателем и не способен в полной мере проникнуть в мир личности своего персонажа. Такой заход позволяет сделать только автобиография – отчёт перед самим собой. Поэтому далее мы обратимся именно к этому жанру.

Автобиография зарождается на излёте Античности³ и выкристаллизовывается в таких формах, как исповедь и утешение. Прежде всего здесь следует упомянуть имена Северина Боэция и Аврелия Августина. «Утешение философией» первого и «Исповедь» второго стали одними из первых опытов в этом направлении. Нельзя не упомянуть в этой связи и знаменитую «Историю моих бедствий» Пьера Абеляра. Авторы всех этих произведений пытались проникнуть в глубины собственной личности. Причины обращения к себе могут быть самыми разными. В случае с Боэцием этой причиной послужило уныние и жалость к самому себе вкупе с невозможностью обратиться с речью к другому в поисках утешения. Со смятением в душе Боэций пытался справиться посредством обращения к музам, но философия, представленная в виде «женщины с лицом, исполненным достоинства», прогоняет неспособных утешить муз и обращается с увещеванием к «исполненному тягостной печали» Боэцию. Однако «Утешение» призвано не только поддержать взятого под стражу философа, но и послужить его апологией: «чтобы потомки не забыли ход этого дела и знали истинное положение вещей, я запечатлел их с помощью стиля» [Боэций 1990: 197]. Наряду с жалобами «на преступления злодеев против добродетели» автор этой автобиографии ставит и связанный с этими жалобами философский вопрос: как Бог допускает зло? «Если существует Бог, то откуда зло? И откуда добро, если Бога нет?» [Там же].

Приступая к утешению, Философия обращается к своему подопечному с вопросами, чтобы выяснить, в чём причина его уныния, поскольку внешние обстоятельства (наветы, изгнание, заключение, смертный приговор) сами по себе не могут быть этой причиной. Определив, что всё в мире управляет разумной силой и устроено по мысли Бога, собеседники обращаются к вопросу о сущности человека. «Я бы хотела, чтобы ты ответил вот еще на что: помнишь ли ты о том, что ты – человек? – Как же, – ответствую, – мне этого не помнить? – Можешь ли ты определить, что есть человек? – Так ты спрашиваешь, знаю ли я, что представляю собой разумное смертное существо. Знаю и признаю, что я именно таков. – Тогда она сказала: Не знаешь ли ты еще чего-нибудь относительно своей сущности? – Нет, больше ничего. – Теперь мне понятна другая, или, точнее сказать, главная причина твоей болезни. Ты забыл,

³ При желании автобиографические черты можно найти и в более ранних эпохах (например, в «Апологии Сократа» [Ковыршина 2004], или даже в эпосе о Гильгамеше [Аванесов 2018]).

что есть сам» [Боэций 1990: 203]. Таким образом, поиски причин собственного уныния привели Боэция к удивительному факту – отсутствию знания о себе. Это провокационное открытие становится началом пути к себе для философа. Дальнейшие изыскания по своему духу во многом являются стоическими. Не следует отождествлять себя со своим имуществом, и тогда фортуна не будет властна над тобою, поскольку она может распоряжаться только внешними обстоятельствами нашей жизни. Боэций обращается к себе самому следующими словами Фортуны: «Когда тебя природа произвела из материнской утробы, еще не владеющего ничем и беспомощного, я поддержала тебя, осыпала своими щедротами и благосклонно, с любовью и нежностью воспитала, свершив все, что было в моей власти, окружала тебя роскошью и блеском, – и все это делает тебя теперь нетерпимым по отношению ко мне. Сейчас угодно мне отвести свою руку. Когда ты пользовался моей благосклонностью, ты обладал данным взаймы, поэтому ты не имеешь права жаловаться, словно утратил нечто принадлежащее тебе. Почему ты стонешь? Я не проявила к тебе никакой жестокости. Богатства, почести и прочие блага такого рода находятся в моей власти, служанки знают свою госпожу, и, когда я покидаю несчастного, удаляются вместе со мной. Я решительно утверждаю, что если бы принадлежали тебе блага, на утрату которых ты жалуешься, ты бы ни в коем случае не мог их потерять» [Боэций 1990: 206–207]. Здесь и в последующем тексте мы видим типичную терапию страстей, которая была разработана стоиками задолго до Боэция. Суть её заключается в формировании правильного отношения к себе и внешним вещам. Ничто, над чем мы не властны, не может быть расценено как благо или зло. Также не может быть благом то, что способно навредить своему обладателю: «я отрицаю, что может считаться благом то, что приносит вред обладающему им <...>. А разве богатство очень часто не вредило своим владельцам?» [Боэций 1990: 215]. Воспоминания о прошлых удачах и нынешних страданиях вместе с размышлением о смысле истинного блага приводят Боэция к осознанию сути и границ собственного «Я», что в конечном итоге приносит терапевтический эффект.

Итак, представленная автобиография в жанре утешения проливает свет на этическую составляющую философской системы автора, поскольку неизбежным образом касается целей жизни, правильного понимания блага, выработке должного отношения к злоключениям и т. п. Также здесь встаёт вопрос об устройстве мира и места человека в этом мире, потому что все предыдущие вопросы могут быть разрешены только на фоне более глобального полотна, сотканного в данном случае из таких положений, как упорядоченность мироздания, божественное пророчество, могущество Бога и его теодицея. Последнее положение является крайне важным для Боэция, поскольку он искренне удивляется существованию зла и страдает от этого: «Истинная и величайшая причина моей печали заключена в том, что я не понимаю, как может вообще существовать или избегать наказания зло, если благо – повелитель всего сущего» [Боэций 1990: 251].

Заключение

Рассмотрев биографию и автобиографию как источники включения антропологического контента в историко-философское исследование, мы пришли к выводу, что для истории философии оба этих жанра могут быть полезны,

но, безусловно, второй из представленных способов представления личности исследуемого философа несравненно более информативен и скорее отвечает тем задачам, которые перед собой ставит историк философии. Явным недостатком биографического жанра является то, что его содержание представляется лишь внешнюю канву жизни философа, в то время как автобиография позволяет проникнуть в глубь личности и мыслей исследуемого философа. Вместе с тем автобиография тоже имеет определенные ограничения применения в историко-философском исследовании. Прежде всего, это отсутствие объективации, поскольку этот жанр подобного не предполагает. Также для историка философии немаловажно рассматривать идеи в их темпоральном развитии, т. е. учитывать то, как идеи определённого философа повлияли на последующую традицию, что тоже невозможно отследить через автобиографию.

Литература

- Аванесов 2018 – *Аванесов С. С. Путь как автобиография* // Человек.RU. 2018. № 13. С. 45–65.
- Аверинцев 1994 – *Аверинцев С. С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии* // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Москва: Наука, 1994. Т. I. С. 637–653.
- Аристотель 1983 – *Аристотель. Никомахова этика* / Пер. Н. В. Брагинской // Сочинения в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. С. 54–291.
- Боэций 1990 – *Боэций С. Утешение Философией* / Пер. В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина // *Утешение Философией и другие трактаты* / Отв. ред. Г. Г. Майоров. Москва: Наука, 1990. С. 190–290.
- Горан 2007 – *Горан В. П. Теоретические и методологические проблемы истории западной философии* / отв. ред. В. Н. Карпович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 269 с.
- Егорочкин 2016а – *Егорочкин М. В. Античные биографии Аристотеля* // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3 / Отв. ред. М. С. Петрова. Москва: Аквилон, 2016. С. 5–31.
- Егорочкин 2016б – *Vita Aristotelis Marciana* / Пер. и примеч. М. В. Егорочкина // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3 / Отв. ред. М. С. Петрова. Москва: Аквилон, 2016. С. 32–42.
- Ковыршина 2004 – *Ковыршина С. В. Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи: автореф. ... дис. канд. филос. наук*. Екатеринбург, 2004. 21 с.
- Санженаков 2016 – *Санженаков А. А. Две истины Аристотеля и теория интенциональности Дж. Сёрля* // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2016. Т. 2. № 1–2. С. 39–47.
- Санженаков 2018 – *Санженаков А. А. Метафизика Аристотеля как основа его этики* // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 1. С. 66–77.
- Sim 1995 – *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics* / Ed. by M. Sim. Lanham: Rowman & Littlefield, 1995.

References

- Aristotle 1983 – *Aristotle. Nicomachean Ethics* // Collected Works. Moscow: Mysl', 1983. P. 54–291. In Russian.
- Avanesov 2018 – *Avanesov S. S. A Path as an Auto-bio-graphy* // Chelovek.RU. 2018. No. 13. P. 45–65. In Russian.

- Averintsev 1994 – *Averintsev S. S. Good Plutarch Tells about Heroes, or Happy Marriage of a Biographical Genre and Moral Philosophy* // Plutarch. Parallel Lives. Moscow: Nauka, 1994. Vol. 1. P. 637–653. In Russian.
- Boethius 1990 – *Boethius S. Consolation of Philosophy* // Boethius S. Consolation of Philosophy and Other Treatises. Moscow: Nauka, 1990. P. 190–290. In Russian.
- Goran 2007 – *Goran V. P. Theoretical and methodological problems of the history of Western philosophy* / ed. V. N. Karpovich. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2007.
- Egorochkin 2016a – *Egorochkin M. V. Ancient Biographies of Aristotle* // *Intellectual Traditions in Past and Present*. Issue 3. Moscow: Akvilon, 2016. P. 5–31. In Russian.
- Egorochkin 2016b – *Egorochkin M. V. (trans. and notes) Vita Aristotelis Marciana* // *Intellectual Traditions in Past and Present*. Issue 3. Moscow: Akvilon, 2016. P. 32–42. In Russian.
- Kovyrshina 2004 – *Kovyrshina S. V. Philosophical Autobiography as a Form of Spiritual Creativity, the Genre of Discourse and the Narrative of the Era: abstract of dissertation*. Ekaterinburg, 2004. In Russian.
- Sanzhenakov 2016 – *Sanzhenakov A. A. Aristotle's Two Truths and John Searle's Theory of Intentionality* // *The South Pole*. 16. Vol. 2. No 1–2. P. 39–47. In Russian.
- Sanzhenakov 2018 – *Sanzhenakov A. A. Aristotle's Metaphysics as Basis of His Ethics* // *Ethical Thought*. 2018. Vol. 18. No. 1. P. 66–77. In Russian.
- Sim 1995 – *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics* / Ed. by M. Sim. Lanham: Rowman & Littlefield, 1995. In Engl.